РАЗДЕЛ 7. ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

Научная статья

https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.95.3.017
УДК 336.2:502/504

ФИСКАЛЬНАЯ РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ПРИРОДОРЕСУРСНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В 2020–2024 ГГ.

***Андреева О. В.*[1*], *Чернобай О. С.*[1]**
[1] *Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия*
** olvandr@yandex.ru*

Аннотация. *Введение.* Экологические и природоресурсные платежи являются инструментами государственного регулирования природопользования и одновременно источниками доходов бюджетной системы Российской Федерации. Цель исследования состоит в оценке динамики, структуры и фискальной роли экологических и природоресурсных платежей в бюджетной системе Российской Федерации в 2020–2024 гг. *Материалы и методы.* Информационную основу исследования составили официальные данные Федерального казначейства и Министерства финансов Российской Федерации об исполнении федерального бюджета и консолидированного бюджета Российской Федерации. Использованы методы структурного и сравнительного анализа, рассчитаны базисные и цепные темпы роста, а также удельные веса поступлений в доходах соответствующего уровня бюджетной системы. Экологические компенсационные платежи, природоресурсные налоги и иные обязательные сборы анализировались раздельно. *Результаты исследования.* Установлено, что основной прирост рассматриваемых поступлений обеспечили налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и утилизационный сбор. Их совокупный объем увеличился с 4,18 трлн руб. в 2020 г. до 13,32 трлн руб. в 2024 г., а доля в доходах федерального бюджета — с 22,4 до 36,3 %. При этом 92,1 % абсолютного прироста данного показателя пришлось на НДПИ. Поступления платы за негативное воздействие на окружающую среду выросли с 14,48 до 22,40 млрд руб. Экологический сбор после достижения максимального значения в 2021 г. сократился до 3,77 млрд руб. в 2024 г. Природоресурсные платежи, связанные с использованием водных объектов, лесов и биологических ресурсов, характеризовались меньшим фискальным масштабом и неоднородной динамикой. *Обсуждение и заключение.* Высокая доля агрегированного показателя в доходах федерального бюджета определяется преимущественно НДПИ, отражающим изъятие природной ренты. Поэтому системообразующее фискальное значение имеет рассматриваемый агрегат, включающий НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат и утилизационный сбор, а не экологические платежи в узком смысле. Разграничение экологических и природоресурсных платежей необходимо для корректной оценки их фискальной, компенсационной и регулирующей функций.

Ключевые слова: экологические платежи, природоресурсные платежи, НДПИ, плата за негативное воздействие на окружающую среду, утилизационный сбор, экологический сбор, доходы бюджета.

Для цитирования: Андреева О. В., Чернобай О. С. Фискальная роль экологических и природоресурсных платежей в Российской Федерации: динамика и структурные сдвиги в 2020–2024 гг. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).* 2026;3(33):217-232. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.95.3.017.

Research article

JEL H23 H61 Q58

THE FISCAL ROLE OF ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCE PAYMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: DYNAMICS AND STRUCTURAL SHIFTS, 2020–2024

***Andreeva O.*[1]*, *Chernobay O.*[1]**
[1] *Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia*
** olvandr@yandex.ru*

Abstract. *Introduction.* Environmental and natural resource payments serve as instruments of public regulation of natural resource use and as sources of revenue for the Russian budgetary system. The aim of the study is to assess the dynamics, structure, and fiscal role of environmental and natural resource payments in the budget system of the Russian Federation in 2020–2024. *Materials and methods.* The study draws on official reports on the execution of the federal budget and the Consolidated Budget of the Russian Federation published by the Federal Treasury and the Ministry of Finance of the Russian Federation. Structural and comparative analyses were applied, along with calculations of base and chain growth rates and revenue shares at the corresponding level of the budgetary system. Environmental compensatory payments, natural resource taxes, and other mandatory levies were analyzed separately. *Research results.* The increase in the examined revenue was driven mainly by the mineral extraction tax and the vehicle recycling levy. Their combined amount rose from 4,18 trillion rubles in 2020 to 13,32 trillion rubles in 2024, while their share in federal budget revenue increased from 22,4 % to 36,3 %. The mineral extraction tax accounted for 92,1 % of the absolute increase. Revenue from fees for negative environmental impact grew from 14,48 billion rubles to 22,40 billion rubles. After reaching its maximum in 2021, revenue from the environmental levy declined to 3,77 billion rubles in 2024. Payments associated with the use of water, forests, and biological resources were smaller in fiscal terms and demonstrated heterogeneous dynamics. *Discussion and conclusion.* The results show that the high share of the examined revenue in the federal budget is determined primarily by the mineral extraction tax, which serves as an instrument for capturing natural resource rent. Therefore, systemic fiscal significance applies to the analyzed aggregate comprising hydrocarbon-related mineral extraction tax revenues and the vehicle recycling levy, rather than to environmental payments in the narrow sense. Distinguishing between these categories is necessary for a valid assessment of their fiscal, compensatory, and regulatory functions. The findings can be used to improve environmental and natural resource policy in the Russian Federation.

Keywords: environmental payments, natural resource payments, mineral extraction tax, negative environmental impact fee, vehicle recycling levy, environmental levy, budget revenue.

For citation: Andreeva O., Chernobay O. The Fiscal Role of Environmental and Natural Resource Payments in the Russian Federation: Dynamics and Structural Shifts, 2020–2024. *Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH).* 2026;3(33):217-232. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2026.95.3.017.

Введение

В условиях усиления внимания к экологическим последствиям хозяйственной деятельности возрастает значение обязательных платежей, связанных с негативным воздействием на окружающую среду и использованием природных ресурсов. Такие платежи выполняют

фискальную, компенсационную и регулирующую функции, поскольку обеспечивают поступления в бюджеты, частично компенсируют экологический ущерб и создают экономические стимулы для снижения негативного воздействия.

Вместе с тем экологические и природоресурсные платежи неоднородны по своей экономической и правовой природе. Плата за негативное воздействие на окружающую среду, экологический и утилизационный сборы непосредственно связаны с механизмами экологического регулирования. Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), платежи за пользование водными объектами и лесами, а также сборы за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами относятся преимущественно к платежам за добычу или использование природных ресурсов. Поэтому их объединение в одну группу допустимо только в аналитических целях и требует раздельного рассмотрения структуры и динамики отдельных платежей.

Указанное разграничение необходимо учитывать и при международных сопоставлениях. В соответствии с методологией Eurostat экологические налоги классифицируются исходя из экологически значимой налоговой базы; платежи, основной функцией которых является изъятие природной ренты, в состав экологических налогов не включаются [6]. Следовательно, показатели стран Европейского союза нельзя напрямую сопоставлять с российскими данными, если последние включают НДПИ и другие природоресурсные платежи.

По данным Eurostat, в 2023 г. поступления от экологических налогов в странах Европейского союза составили 341,5 млрд евро, что на 2,1 % превышало показатель 2022 г. — 334,6 млрд евро. Их объем соответствовал приблизительно 2,0 % ВВП ЕС и 5,1 % общей суммы налоговых поступлений и социальных взносов. В структуре экологических налогов преобладали энергетические налоги, на которые приходилось около 76 % поступлений; доля транспортных налогов составляла примерно 19 % [7]. Эти данные свидетельствуют о существенной фискальной роли экологического налогообложения, однако особенности его состава и классификации должны учитываться при сопоставлении с российской практикой.

В отечественной научной литературе представлены различные подходы к оценке экологических платежей. О. П. Бурматова и Т. В. Сумская рассматривают их в контексте финансово-бюджетной политики и указывают на необходимость усиления стимулирующей роли данных платежей в условиях недостаточного финансирования природоохранных мероприятий [1]. О. В. Малышева и О. Г. Аркадьева исследуют фискальную эффективность платы за негативное воздействие на окружающую среду и отмечают, что увеличение бюджетных поступлений само по себе не свидетельствует об улучшении экологической ситуации [2]. Вопросы правовой природы экологических платежей и возможности их включения в систему налоговых отношений рассматриваются Е. А. Юдиным [5]. Г. И. Фаткуллина и О. И. Шалина анализируют развитие экологического налогообложения в России с учетом ESG-повестки и целей устойчивого развития [4]. Вопросы целевого использования экологических платежей и их роли в финансировании мероприятий по сохранению природных ресурсов рассмотрены А. С. Саидовой, А. С. Петровой и И. Д. Ардзинбой [3]. А. С. Адвокатова, Л. И. Гончаренко и А. А. Заворыкин исследуют институциональную структуру экологических фискальных инструментов и возможности оценки вовлеченности бизнеса в ESG-процессы [10]. Р. В. Слатин разграничивает узкий и широкий подходы к определению экологических платежей [11].

В зарубежных исследованиях внимание уделяется как фискальному, так и регулирующему потенциалу экологических налогов. В исследовании Международного валютного фонда показано, что такие налоги способны одновременно

формировать бюджетные доходы и стимулировать сокращение негативного воздействия на окружающую среду. Полученные средства могут направляться как на финансирование общих государственных расходов, так и на поддержку природоохранных и климатических мероприятий [8]. На примере Китая рассматривается снижение стимулирующего эффекта экологических бюджетных трансфертов с течением времени. Авторы делают вывод о необходимости регулярного пересмотра условий распределения трансфертов и требований к их получателям [9].

В Российской Федерации одним из основных обязательных платежей экологической направленности является плата за негативное воздействие на окружающую среду. Правовые основания ее взимания установлены Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». В соответствии со ст. 16 данного закона к видам негативного воздействия, за которые взимается плата, относятся выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, а также хранение и захоронение отходов производства и потребления [12]. Плательщиками выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие соответствующие виды деятельности. При этом данный платеж не является налогом и представляет собой самостоятельный публично-правовой инструмент экологического регулирования.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным экологическим налогам, сборам и природоресурсным платежам, недостаточно изученными остаются изменения их совокупной структуры и фискальной роли в Российской Федерации в 2020–2024 гг. Кроме того, объединение различных по своей природе платежей без их предварительного разграничения может приводить к завышенной оценке фискального значения собственно экологических платежей.

Научная новизна исследования состоит в разграничении экологических и природоресурсных платежей при оценке их фискальной роли, а также в определении вклада отдельных составляющих в изменение агрегированного объема поступлений в 2020–2024 гг.

Цель исследования состоит в оценке динамики, структуры и фискальной роли экологических и природоресурсных платежей в бюджетной системе Российской Федерации в 2020–2024 гг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить состав и классификационные признаки исследуемых платежей; проанализировать динамику их поступлений; оценить вклад отдельных видов платежей в изменение совокупного объема поступлений; сопоставить показатели с доходами соответствующих уровней бюджетной системы; выявить основные структурные изменения и ограничения действующего механизма экологических платежей.

Материалы и методы

Информационную основу исследования составили официальные отчеты Федерального казначейства и Министерства финансов Российской Федерации об исполнении федерального бюджета и консолидированного бюджета Российской Федерации за 2020–2024 гг. Исследуемые поступления разделены на три группы: экологические компенсационно-регулирующие платежи — плата за негативное воздействие на окружающую среду и экологический сбор; иные платежи экологической и промышленной политики — утилизационный сбор; природоресурсные налоги, сборы и платежи — НДПИ, водный налог, сборы за пользование объектами животного мира и водными биоресурсами, платежи при пользовании недрами, водными объектами и лесами. Доля агрегированного показателя рассчитывалась как отношение суммы поступлений по НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат и утилизационному сбору к общему объему доходов федерального бюджета соответствующего года.

Применены структурный и динамический анализ, расчет цепных и базисных темпов роста, а также удельных весов поступлений в доходах соответствующего уровня бюджетной системы.

Показатели разных бюджетных уровней анализировались раздельно. Расчеты выполнены в текущих ценах, что учитывалось при интерпретации номинальной динамики.

Правовая классификация платежей проводилась с учетом положений федеральных законов № 7-ФЗ и № 89-ФЗ, части второй Налогового кодекса Российской Федерации, а также нормативных актов, регулирующих перечни товаров, нормативы утилизации и ставки экологического сбора в рассматриваемом периоде [12–17].

Результаты исследования

Установлено, что основной прирост рассматриваемых поступлений обеспечили налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и утилизационный сбор. Наиболее крупным источником поступлений являлся НДПИ по отдельным видам углеводородного сырья, тогда как плата за негативное воздействие на окружающую среду и экологический сбор имели значительно меньший фискальный масштаб.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду

Рассмотрим динамику поступлений по трем основным видам платы за негативное воздействие на окружающую среду (рис. 1). Они не исчерпывают совокупный объем поступлений, используемый далее для оценки их динамики.

Рисунок 1 — **Динамика поступлений по основным видам платы за негативное воздействие на окружающую среду в 2020–2024 гг., тыс. руб.***

Figure 1 — **Dynamics of Revenues from the Main Types of Fees for Negative Environmental Impact in 2020–2024, thousand rubles**

* *Составлен авторами по данным [18].*

В 2020 г. совокупный объем поступлений составил 14 483 950 тыс. руб. Основная часть приходилась на плату за размещение отходов производства и потребления — 8 902 780 тыс. руб. Поступления от платы за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты составили 2 704 640 тыс. руб., за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками — 2 445 460 тыс. руб.

В 2021 г. совокупные поступления увеличились до 19 791 560 тыс. руб., или на 36,6 % по сравнению с предыдущим годом. Плата за размещение отходов достигла 9 428 930 тыс. руб., за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты —

4 723 320 тыс. руб., за выбросы в атмосферный воздух — 4 023 530 тыс. руб.

В 2022 г. совокупный объем поступлений составил 20 774 510 тыс. руб., увеличившись на 5,0 % относительно 2021 г. Поступления от платы за размещение отходов достигли 10 385 250 тыс. руб., за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты — 4 854 790 тыс. руб., за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух — 3 836 730 тыс. руб.

В 2023 г. совокупные поступления увеличились до 21 524 470 тыс. руб., что на 3,6 % превышало показатель предыдущего года. Плата за размещение отходов составила 11 445 080 тыс. руб., за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты — 4 412 320 тыс. руб., за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух — 3 705 670 тыс. руб.

В 2024 г. совокупный объем поступлений достиг 22 403 320 тыс. руб., увеличившись на 4,1 % относительно 2023 г. Плата за размещение отходов составила 11 920 980 тыс. руб., за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты — 4 985 760 тыс. руб., за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух — 3 875 240 тыс. руб.

За 2020–2024 гг. совокупный объем поступлений от платы за негативное воздействие на окружающую среду увеличился на 54,7 %. Наибольший относительный прирост наблюдался по плате за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты — 84,3 %. Поступления от платы за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух выросли на 58,5 %, от платы за размещение отходов производства и потребления — на 33,9 %. Плата за размещение отходов сохраняла преобладающее положение в общем объеме поступлений по ПНВОС, хотя ее удельный вес снизился с 61,5 % в 2020 г. до 53,2 % в 2024 г.

Утилизационный сбор

Динамика доходов федерального бюджета от утилизационного сбора представлена на рисунке 2.

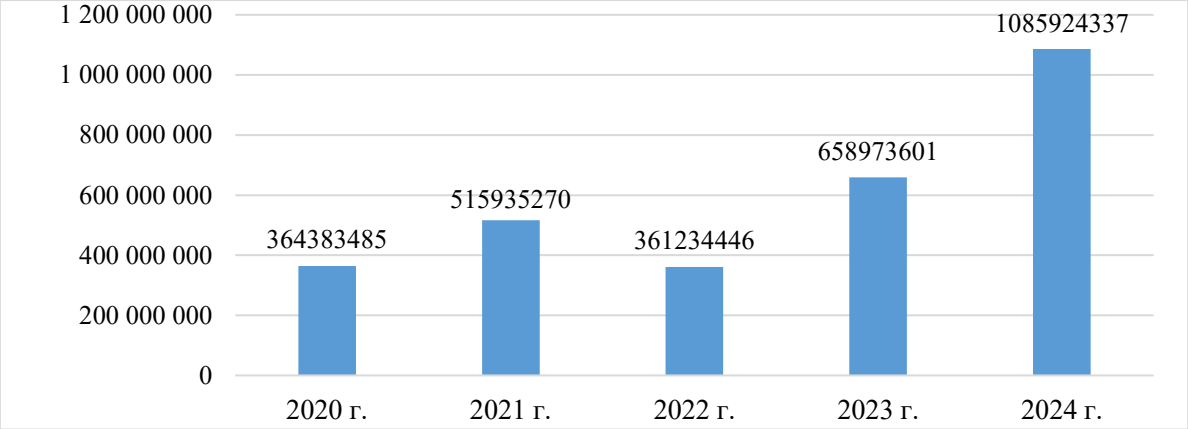

Рисунок 2 — **Динамика доходов федерального бюджета от утилизационного сбора в 2020–2024 гг., тыс. руб.***

Figure 2 — **Dynamics of Federal Budget Revenues from Recycling Fees in 2020–2024, thousand rubles**

* *Составлен авторами по данным [19].*

В 2020 г. поступления от утилизационного сбора составили 364 383 485 тыс. руб. В 2021 г. они увеличились на 41,6 % и достигли 515 935 270 тыс. руб. В 2022 г. поступления снизились до 361 234 446 тыс. руб., или на 30,0 % относительно предыдущего года. В 2023 г. объем поступлений увеличился до 658 973 601 тыс. руб., что на 82,4 % превышало показатель 2022 г. В 2024 г. он достиг 1 085 924 337 тыс. руб., увеличившись, следовательно, еще на 64,8 %.

Таким образом, за 2020–2024 гг. поступления от утилизационного сбора выросли в 2,98 раза, а по сравнению с минимальным значением 2022 г. — в 3,01 раза.

Экологический сбор

Динамика доходов федерального бюджета от экологического сбора представлена на рисунке 3.

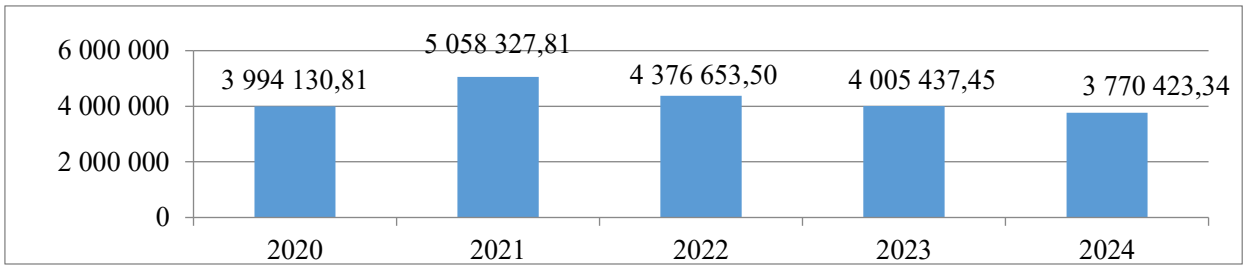

Рисунок 3 — **Динамика доходов федерального бюджета от экологического сбора в 2020–2024 гг., тыс. руб.***

Figure 3 — **Dynamics of Federal Budget Revenues from Environmental Fees in 2020–2024, thousand rubles**

** Составлен авторами по данным [20].*

В 2020 г. поступления от экологического сбора составили 3 994 130,81 тыс. руб. В 2021 г. они увеличились на 26,6 % и достигли максимального за рассматриваемый период значения — 5 058 327,81 тыс. руб.

Начиная с 2022 г. наблюдалось последовательное сокращение поступлений: до 4 376 653,50 тыс. руб. в 2022 г., 4 005 437,45 тыс. руб. в 2023 г. и 3 770 423,34 тыс. руб. в 2024 г. В результате объем поступлений в 2024 г. оказался на 25,5 % ниже максимального значения 2021 г. и на 5,6 % ниже показателя 2020 г. Экологический сбор являлся единственным из рассмотренных платежей экологической направленности, по которому итоговое значение оказалось ниже начального уровня анализируемого периода.

НДПИ по отдельным видам углеводородного сырья

НДПИ относится к природоресурсным налогам и рассматривается отдельно от платежей, непосредственно связанных с экологическим регулированием. В рамках исследования проанализированы поступления по НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат. Их динамика представлена на рисунке 4.

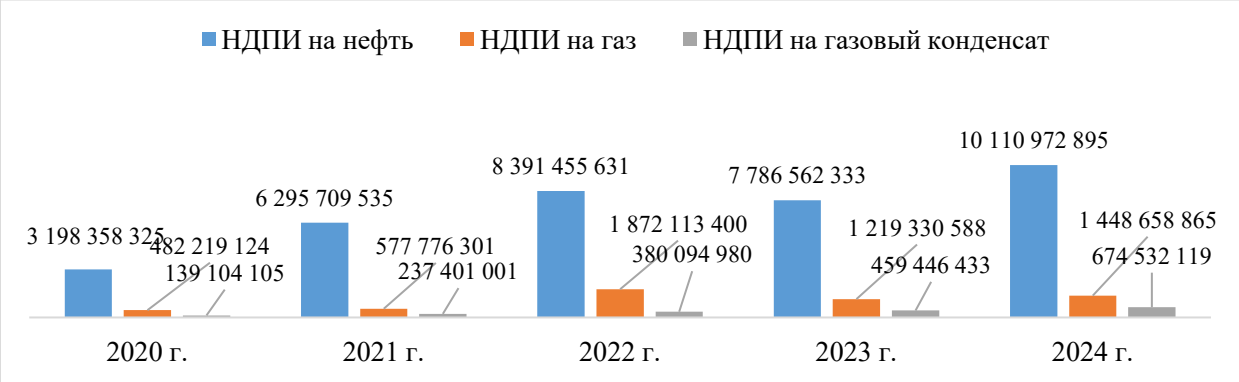

Рисунок 4 — **Динамика доходов федерального бюджета по НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат в 2020–2024 гг., тыс. руб.***

Figure 4 — **Dynamics of Federal Budget Revenues from Mineral Extraction Tax on Oil, Natural Gas and Gas Condensate in 2020–2024, thousand rubles**

** Составлен авторами по данным [19].*

Наибольший объем поступлений во все годы приходился на НДПИ на нефть. Так, в 2020 г. поступления составили 3 198 358 325 тыс. руб., в 2021 г. — 6 295 709 535 тыс. руб., в 2022 г. — 8 391 455 631 тыс. руб. В 2023 г. они снизились до 7 786 562 333 тыс. руб., а в 2024 г. достигли максимального за рассматриваемый период значения — 10 110 972 895 тыс. руб. В результате объем поступлений по НДПИ на нефть в 2024 г. превышал уровень 2020 г. в 3,16 раза.

Поступления по НДПИ на природный газ выросли с 482 219 124 тыс. руб. в 2020 г. до 577 776 301 тыс. руб. в 2021 г. В 2022 г. они увеличились до 1 872 113 400 тыс. руб., после чего снизились до 1 219 330 588 тыс. руб. в 2023 г. и частично восстановились до 1 448 658 865 тыс. руб. в 2024 г. По сравнению с 2020 г. их объем вырос в 3,00 раза.

Поступления по НДПИ на газовый конденсат характеризовались непрерывным ростом: со 139 104 105 тыс. руб. в 2020 г. до 237 401 001 тыс. руб. в 2021 г., 380 094 980 тыс. руб. в 2022 г., 459 446 433 тыс. руб. в 2023 г. и 674 532 119 тыс. руб. в 2024 г. За рассматриваемый период они увеличились в 4,85 раза.

Совокупный объем трех представленных на рисунке 4 составляющих НДПИ увеличился с 3,82 трлн руб. в 2020 г. до 7,11 трлн руб. в 2021 г. и 10,64 трлн руб. в 2022 г. В 2023 г. он снизился до 9,47 трлн руб., а в 2024 г. достиг 12,23 трлн руб. Доля нефтяной составляющей изменялась от 78,8 до 88,5 % и в 2024 г. составила 82,7 % совокупного объема трех исследуемых составляющих НДПИ.

Прочие природоресурсные налоги, сборы и платежи

Динамика поступлений по другим видам природоресурсных налогов, сборов и платежей представлена в таблице 1. Совокупный объем представленных в таблице 1 поступлений составил 116 932 933 тыс. руб. в 2020 г., 142 875 236 тыс. руб. в 2021 г., 117 517 718 тыс. руб. в 2022 г., 116 147 430 тыс. руб. в 2023 г. и 124 061 528 тыс. руб. в 2024 г. После достижения максимального значения в 2021 г. их совокупный объем снизился, однако в 2024 г. превышал показатель 2020 г. на 6,1 %.

Таблица 1 — **Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации по природоресурсным налогам, сборам и платежам в 2020–2024 гг., тыс. руб.***

Table 1 — **Revenues of the Consolidated Budget of the Russian Federation from Natural Resource Taxes, Fees and Payments in 2020–2024, thousand rubles**

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Водный налог	3 569 128,0	4 129 121,0	4 663 655,00	5 311 100,0	6 766 463,0
Сборы за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов	456 101	500 996	622 236	4 547 822	2 990 911
Платежи при пользовании недрами	50 091 852	70 139 335	40 591 800	25 978 889	25 566 424
Плата за пользование водными объектами	20 485 721	22 772 865	24 746 822	27 141 221	32 998 757
Плата за пользование водными биологическими ресурсами	2 153 877	1 121 954	434 557	3 335 844	1 912 124
Плата за использование лесов	40 176 254	44 210 965	46 458 648	49 832 554	53 826 849

** Составлена авторами по данным [18].*

Поступления от водного налога увеличивались ежегодно — с 3 569 128 тыс. руб. в 2020 г. до 6 766 463 тыс. руб. в 2024 г. Совокупный прирост составил 89,6 %. Плата за пользование водными объектами также демонстрировала непрерывный рост: с 20 485 721 тыс. руб. в 2020 г. до 32 998 757 тыс. руб. в 2024 г., или на 61,1 %.

Поступления от платы за использование лесов увеличились с 40 176 254 тыс. руб. в 2020 г. до 53 826 849 тыс. руб. в 2024 г. Прирост за рассматриваемый период составил 34,0 %.

Иная динамика наблюдалась по платежам при пользовании недрами. После увеличения с 50 091 852 тыс. руб. в 2020 г. до 70 139 335 тыс. руб. в 2021 г. поступления сократились до 40 591 800 тыс. руб. в 2022 г., 25 978 889 тыс. руб. в 2023 г. и 25 566 424 тыс. руб. в 2024 г. В результате их объем оказался на 49,0 % ниже уровня 2020 г.

Плата за пользование водными биологическими ресурсами характеризовалась выраженными колебаниями. Поступления снизились с 2 153 877 тыс. руб. в 2020 г. до 1 121 954 тыс. руб. в 2021 г. и 434 557 тыс. руб. в 2022 г. В 2023 г. они увеличились до 3 335 844 тыс. руб., а в 2024 г. вновь сократились до 1 912 124 тыс. руб.

Сборы за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов выросли с 456 101 тыс. руб. в 2020 г. до 500 996 тыс. руб. в 2021 г. и 622 236 тыс. руб. в 2022 г. В 2023 г. поступления увеличились до 4 547 822 тыс. руб., а в 2024 г. снизились до 2 990 911 тыс. руб. Несмотря на снижение относительно 2023 г., итоговое значение существенно превышало показатели начала анализируемого периода.

Сравнительная оценка фискального масштаба платежей

Сопоставление полученных результатов показывает, что исследуемые платежи существенно различаются по своему фискальному масштабу. В 2024 г. поступления по трем рассмотренным составляющим НДПИ достигли 12,23 трлн руб., по утилизационному сбору — 1,09 трлн руб., по природоресурсным платежам, представленным в таблице 1, — 124,06 млрд руб., по плате за негативное воздействие на окружающую среду — 22,40 млрд руб., по экологическому сбору — 3,77 млрд руб.

Совокупный объем поступлений по НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат, а также по утилизационному сбору составил 4,18 трлн руб. в 2020 г., 7,63 трлн руб. в 2021 г., 11,00 трлн руб. в 2022 г., 10,12 трлн руб. в 2023 г. и 13,32 трлн руб. в 2024 г. Его доля в доходах федерального бюджета увеличилась с 22,4 % в 2020 г. до 30,2 % в 2021 г. и достигла максимального значения 39,6 % в 2022 г. В 2023 г. данный показатель снизился до 34,8 %, а в 2024 г. составил 36,3 %.

За 2020–2024 гг. совокупный объем поступлений по указанным видам НДПИ и утилизационному сбору увеличился на 9,14 трлн руб. При этом 8,41 трлн руб., или 92,1 % общего прироста, приходилось на увеличение поступлений по НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат. Следовательно, динамика данного агрегированного показателя определялась преимущественно изменением природоресурсных налоговых поступлений, а не ростом собственно экологических платежей.

Обсуждение

Полученные результаты показали, что экологические и природоресурсные платежи заметно различаются по экономическому содержанию и масштабу поступлений. Поэтому их объединение в одну категорию без дополнительного разграничения может привести к неверной оценке фискальной роли собственно экологических платежей. Рассчитанная в исследовании доля, составившая 36,3 % доходов федерального бюджета в 2024 г., относится к совокупным поступлениям по НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат и утилизационному сбору. Плата за негативное воздействие на окружающую среду и экологический сбор в этот показатель не включались.

Основным источником роста рассматриваемого агрегированного показателя

выступал НДПИ. На увеличение трех проанализированных составляющих данного налога приходилось 92,1 % общего прироста поступлений по НДПИ и утилизационному сбору за 2020–2024 гг. Следовательно, значительная доля указанных доходов в федеральном бюджете характеризует прежде всего фискальную роль изъятия природной ренты, а не развитие системы экологического налогообложения.

Такое разграничение имеет значение при международных сопоставлениях. В методологии Eurostat к экологическим относятся налоги, налоговая база которых связана с воздействием на окружающую среду. Платежи, основная функция которых состоит в изъятии природной ренты, в состав экологических налогов не включаются [7]. Поэтому российский показатель, объединяющий НДПИ и утилизационный сбор, нельзя напрямую сопоставлять с долей экологических налогов в странах Европейского союза. Для корректного сравнения необходимо использовать одинаковый состав платежей и единые классификационные признаки.

Динамика платы за негативное воздействие на окружающую среду характеризовалась ростом совокупных поступлений на 54,7 %. При этом наиболее крупной составляющей оставалась плата за размещение отходов производства и потребления. Ее доля в общей сумме поступлений снизилась, однако в 2024 г. продолжала превышать половину рассматриваемого показателя. Наибольший относительный прирост был зафиксирован по плате за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты.

Вместе с тем увеличение поступлений от платы за негативное воздействие не позволяет сделать однозначный вывод об усилении экологической ответственности организаций или об изменении объема загрязнения. Размер поступлений зависит не только от фактических выбросов, сбросов и размещения отходов, но и от ставок платы, применяемых коэффициентов, качества администрирования, погашения задолженности и структуры плательщиков. Аналогичную позицию высказывают О. В. Малышева и О. Г. Аркадьева, отмечающие, что рост экологических платежей сам по себе не является показателем улучшения состояния окружающей среды [2]. Для оценки регулирующего эффекта полученные бюджетные данные необходимо сопоставлять с натуральными показателями выбросов, сбросов и образования отходов.

Особое место среди рассмотренных поступлений занимает утилизационный сбор. За пять лет его объем вырос почти в три раза, причем наиболее заметное увеличение произошло в 2023–2024 гг. Такая динамика связана с двойственным характером этого платежа. С одной стороны, он имеет экологическую направленность и связан с будущей утилизацией транспортных средств. С другой стороны, его ставки и коэффициенты используются в рамках регулирования автомобильного рынка и промышленной политики.

Рост поступлений от утилизационного сбора мог быть обусловлен изменением ставок и коэффициентов, а также структуры производства и ввоза транспортных средств. Однако бюджетные данные не позволяют определить вклад каждого из этих факторов. Для этого необходимы сведения о количестве ввезенных и произведенных транспортных средств, их возрасте, объеме и мощности двигателей, примененных коэффициентах и льготах.

Иная тенденция была выявлена по экологическому сбору. После максимального значения 2021 г. его поступления последовательно сокращались и в 2024 г. оказались ниже уровня 2020 г. Снижение поступлений экологического сбора может быть связано с выполнением нормативов утилизации, изменением состава плательщиков, предоставлением отчетности, применением льгот либо возникновением задолженности. Имеющиеся бюджетные данные не позволяют определить вклад отдельных факторов в выявленную динамику, в том числе оценить влияние самостоятельной утилизации отходов производителями и импортерами.

Для оценки эффективности экологического сбора необходимо сопоставлять его поступления с данными о массе произведенных и ввезенных товаров и упаковки, выполнении нормативов утилизации, объемах использования вторичного сырья и результатах контрольных мероприятий. Без таких сведений невозможно определить, отражает ли сокращение поступлений положительные изменения в системе расширенной ответственности производителей или снижение платежной дисциплины.

Наиболее крупным природоресурсным налогом являлся НДПИ. Во все годы в его структуре преобладали поступления от добычи нефти. Динамика нефтяной и газовой составляющих отличалась значительной изменчивостью: после роста в 2021–2022 гг. поступления снизились в 2023 г. и вновь увеличились в 2024 г. Поступления по НДПИ на газовый конденсат, напротив, возрастали на протяжении всего рассматриваемого периода.

Полученная динамика согласуется с высокой зависимостью НДПИ от цен на углеводородное сырье, параметров налогового регулирования и условий добычи. Существенное увеличение поступлений в 2021–2022 гг. происходило на фоне восстановления энергетических рынков после ограничений 2020 г. и роста цен на нефть и газ. Снижение ряда показателей в 2023 г. совпало с изменением направлений экспорта и условий реализации российских энергоресурсов. Вместе с тем точная оценка влияния цен, валютного курса, объемов добычи и изменений налоговых коэффициентов требует отдельного факторного анализа.

НДПИ выполняет выраженную фискальную функцию и обеспечивает изъятие части природной ренты в пользу государства. Однако по своей природе он отличается от платы за негативное воздействие на окружающую среду, экологического и утилизационного сборов. Его величина непосредственно не характеризует размер экологического ущерба и не показывает объем природоохранного финансирования. Включение НДПИ в исследование оправдано при рассмотрении более широкой категории природоресурсных платежей, но не при оценке только экологических налогов и сборов.

Другие природоресурсные платежи имели значительно меньший объем. Устойчивый рост поступлений наблюдался по водному налогу, плате за пользование водными объектами и плате за использование лесов. Платежи при пользовании недрами после максимального значения 2021 г. сократились почти в два раза. Поступления, связанные с использованием объектов животного мира и водных биологических ресурсов, отличались значительными колебаниями.

Сравнительно стабильная динамика водных и лесных платежей позволяет рассматривать их как регулярные источники бюджетных доходов. Вместе с тем сам факт поступления этих средств не подтверждает их направление на восстановление соответствующих природных объектов. Для оценки компенсационной функции необходимо анализировать не только доходную, но и расходную часть бюджетов. На необходимость такой взаимосвязи обращают внимание О. П. Бурматова и Т. В. Сумская [1].

Полученные результаты частично согласуются с выводами Международного валютного фонда о сочетании фискальной и регулирующей функций экологических налогов [8]. Однако наличие регулирующей функции в законодательстве еще не означает достижения экологического эффекта. Для ее оценки требуется установить, изменяется ли поведение плательщиков: сокращаются ли объемы загрязнения, увеличиваются ли инвестиции в очистные сооружения, переработку отходов и ресурсосберегающие технологии.

Это относится и к выводам о влиянии рассматриваемых платежей на внедрение ESG-принципов. Исследование Г. И. Фаткуллиной и О. И. Шалиной показывает связь развития экологического налогообложения с ESG-повесткой и целями устойчивого развития [4]. Вместе с

тем на основании одной только динамики бюджетных поступлений нельзя утверждать, что российские организации активнее внедряют системы экологического менеджмента или что их инвестиционная привлекательность повышается. Для подтверждения такого вывода необходимы данные корпоративной отчетности, сведения об экологических инвестициях и показатели снижения негативного воздействия.

Исследование экологических бюджетных трансфертов также показывает, что первоначальный стимулирующий эффект финансового инструмента может ослабевать со временем [9]. Применительно к российской системе это означает, что результативность платежа нельзя оценивать только по объему поступивших средств. Необходимо учитывать устойчивость изменений в поведении плательщиков и фактические экологические результаты.

Проведенный анализ имеет ряд ограничений. Расчеты выполнены в текущих ценах и отражают номинальную динамику поступлений. Рассматриваемые платежи относятся к разным уровням бюджетной системы, поэтому их значения не могут суммироваться без разграничения источников формирования доходов. Использование только бюджетной статистики не позволяет оценить изменение физического объема негативного воздействия, природоохранных расходов и поведения хозяйствующих субъектов.

Развитие исследования предполагает сопоставление бюджетных поступлений с расходами на охрану окружающей среды, а также с натуральными показателями выбросов, сбросов, образования и утилизации отходов. Такой подход позволит перейти от оценки фискального масштаба платежей к оценке их экологической и регулирующей результативности.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в 2020–2024 гг. поступления, связанные с экологическим регулированием и использованием природных ресурсов, изменялись неравномерно. Плата за негативное воздействие на окружающую среду увеличилась на 54,7 %. Основную часть поступлений на протяжении всего периода обеспечивала плата за размещение отходов производства и потребления. Утилизационный сбор вырос почти в три раза, тогда как поступления экологического сбора после максимального значения 2021 г. снижались.

Наиболее значительная динамика наблюдалась по налогу на добычу полезных ископаемых. Расчетный совокупный объем поступлений от НДПИ на нефть, природный газ и газовый конденсат вместе с утилизационным сбором увеличился с 4,18 трлн руб. в 2020 г. до 13,32 трлн руб. в 2024 г., а его доля в доходах федерального бюджета — с 22,4 до 36,3 %. При этом 92,1 % прироста данного показателя обеспечено поступлениями НДПИ на углеводородное сырье.

Полученные результаты требуют разграничивать экологические и природоресурсные платежи. НДПИ служит инструментом изъятия природной ренты, поэтому его нельзя без дополнительных оговорок относить к экологическим платежам. Следовательно, вывод о системообразующем значении относится прежде всего к совокупности природоресурсных доходов и утилизационного сбора. Плата за негативное воздействие на окружающую среду и экологический сбор, рассматриваемые в более узком значении, сохраняют существенно меньший удельный вес в бюджетных поступлениях. Водные, лесные и другие природоресурсные платежи формируют относительно устойчивый, но меньший по объему сегмент доходов.

Рост бюджетных поступлений сам по себе не подтверждает снижение загрязнения, внедрение наилучших доступных технологий или повышение экологической ответственности предприятий. Для оценки регулирующей и компенсационной функций платежей данные о доходах необходимо сопоставлять с объемами выбросов, сбросов и образования отходов, расходами бюджетов на природоохранные мероприятия, а также показателями их фактического выполнения.

Ограничением проведенного исследования является использование показателей в текущих ценах и данных, относящихся к разным уровням бюджетной системы. Кроме того, в работе не анализировались физические показатели негативного воздействия и направления расходования полученных средств. Поэтому выявленные изменения характеризуют прежде всего фискальную роль рассматриваемых платежей. Дальнейший анализ целесообразно проводить раздельно по экологическим и природоресурсным доходам, дополнив его оценкой целевого использования поступлений и достигнутых экологических результатов.

Список литературы

1. *Бурматова, О. П.* Экологический аспект финансово-бюджетной политики в России / О. П. Бурматова, Т. В. Сумская // Основы экономики, управления и права. — 2012. — № 3 (3). — С. 30–33.

2. *Малышева, О. В.* Фискальная эффективность платы за негативное воздействие на окружающую среду / О. В. Малышева, О. Г. Аркадьева // Oeconomia et Jus. — 2022. — № 3. — С. 15–24. — DOI 10.47026/2499-9636-2022-3-15-24.

3. *Саидова, А. С.* Повышение эффективности мероприятий по сохранению биологических ресурсов Российской Федерации за счет целевого использования экологических платежей / А. С. Саидова, А. С. Петрова, И. Д. Ардзинба // Вестник АПК Верхневолжья. — 2025. — № 3 (71). — С. 43–49. — DOI 10.35694/YARCX.2025.71.3.006.

4. *Фаткуллина, Г. И.* Экологические налоги в РФ: трансформация в контексте ESG-повестки / Г. И. Фаткуллина, О. И. Шалина // Учет и контроль. — 2024. — № 9. — С. 20–25. — DOI 10.36871/u.i.k.2024.09.01.004.

5. *Юдин, Е. А.* Экологические платежи: возможен ли их целевой и налоговый статус? / Е. А. Юдин // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2015. — № 6. — С. 141–154.

6. Eurostat. Environmental Taxes — A Statistical Guide. 2024 Edition. — Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2024. — 56 p. — DOI 10.2785/730717.

7. Environmental Tax Revenue Shows Slight Increase in 2023 // Eurostat. — 2025. — 22 July. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20250722-1 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

8. Environmental Taxes and Government Expenditures on Environmental Protection / P. Stokoe, I. Haščič, F. Mante, M. Cárdenas Rodríguez, Z. Zhan, F. Gonguet, C. P. Wendling // Data for a Greener World: A Guide for Practitioners and Policymakers / ed. by S. Arslanalp, K. Kostial, G. Quirós-Romero. — Washington, DC : International Monetary Fund, 2023. — Ch. 3. — DOI 10.5089/9798400217296.071.CH003.

9. The Diminishing Incentive of Ecological Fiscal Transfer on Local Government Environmental Expenditure — Evidence from National Key Ecological Function Zone in China / Y. Xiao, K. Shimada, S. Shao, L. Liu, P. Shen, W. Xiao // Ecological Economics. — 2025. — Vol. 235. — Art. 108634. — DOI 10.1016/j.ecolecon.2025.108634.

10. *Адвокатова, А. С.* Российский опыт применения экологических платежей в контексте фискального регулирования вовлеченности бизнеса в процессы ESG / А. С. Адвокатова, Л. И. Гончаренко, А. А. Заворыкин // Налоги и налогообложение. — 2024. — № 4. — С. 30–49. — DOI 10.7256/2454-065X.2024.4.70205.

11. *Слатин, Р. В.* Понятие экологических («зеленых») платежей / Р. В. Слатин // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 2 (171). — С. 11–19. — DOI 10.17803/1994-1471.2025.171.2.011-019.

12. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

13. Об отходах производства и потребления : Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

14. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая : Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

15. Об утверждении перечней товаров, упаковки, отходы от использования которых подлежат утилизации, и нормативов утилизации отходов от использования товаров, упаковки : Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2023 № 2414. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312310011 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

16. О значениях базовых ставок экологического сбора и коэффициента, учитывающего сложность извлечения отходов от использования товаров для дальнейшей утилизации, наличие технологической возможности их утилизации с учетом изменения физических, химических и механических свойств материалов при многократном использовании (с учетом возможных циклов переработки отходов от использования товаров), востребованность вторичного сырья, полученного из таких отходов, для использования при производстве товаров (продукции) на 2024 год : Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2023 № 2406. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312300058 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

17. Об установлении ставок сбора по каждой группе товаров, группе упаковки товаров, отходы от использования которых подлежат утилизации, уплачиваемого производителями товаров, импортерами товаров, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров (экологического сбора) : Постановление Правительства Российской Федерации от 09.04.2016 № 284 (утратило силу с 01.09.2025). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604140022 (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

18. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов за 2020–2024 гг. / Федеральное казначейство. — URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet-rf-i-byudzhetov-gosudarstvennyh-vnebyudzhetnyh-fondov (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

19. Отчет об исполнении федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2024 год / Министерство финансов Российской Федерации. — URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/08/main/Ispolnenie_2024.pdf (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

20. Отчеты об исполнении федерального бюджета за 2020–2024 гг. / Федеральное казначейство. — URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet (дата обращения: 18.08.2026). — Текст : электронный.

References

1. *Burmatova, O.* Environmental Aspect of Financial and Budgetary Policy in Russia / O. Burmatova, T. Sumskaya // Fundamentals of Economics, Management and Law. — 2012. — № 3 (3). — P. 30–33.

2. *Malysheva, O.* Fiscal Efficiency of the Fee for Negative Environmental Impact / O. Malysheva, O. Arkadyeva // Oeconomia et Jus. — 2022. — № 3. — P. 15–24. — DOI 10.47026/2499-9636-2022-3-15-24.

3. *Saidova, A.* Improving the Efficiency of Measures to Preserve the Biological Resources of the Russian Federation through the Targeted Use of Environmental Payments / A. Saidova, A. Petrova, I. Ardzinba // Bulletin of the Agro-Industrial Complex of the Upper Volga Region. —

2025. — № 3 (71). — P. 43–49. — DOI 10.35694/YARCX.2025.71.3.006.

4. *Fatkullina, G.* Environmental Taxes in the Russian Federation: Transformation in the Context of the ESG Agenda / G. Fatkullina, O. Shalina // Accounting and Control. — 2024. — № 9. — P. 20–25. — DOI 10.36871/u.i.k.2024.09.01.004.

5. *Yudin, E.* Environmental Payments: Is Their Targeted and Tax Status Possible? / E. Yudin // ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice. — 2015. — № 6. — P. 141–154.

6. Eurostat. Environmental Taxes — A Statistical Guide. 2024 Edition. — Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2024. — 56 p. — DOI 10.2785/730717.

7. Environmental Tax Revenue Shows Slight Increase in 2023 // Eurostat. — 2025. — July, 22. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20250722-1 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

8. Environmental Taxes and Government Expenditures on Environmental Protection / P. Stokoe, I. Haščič, F. Mante, M. Cárdenas Rodríguez, Z. Zhan, F. Gonguet, C. P. Wendling // Data for a Greener World: A Guide for Practitioners and Policymakers / ed. by S. Arslanalp, K. Kostial, G. Quirós-Romero. — Washington, DC : International Monetary Fund, 2023. — Ch. 3. — DOI 10.5089/9798400217296.071.CH003.

9. The Diminishing Incentive of Ecological Fiscal Transfer on Local Government Environmental Expenditure — Evidence from National Key Ecological Function Zone in China / Y. Xiao, K. Shimada, S. Shao, L. Liu, P. Shen, W. Xiao // Ecological Economics. — 2025. — Vol. 235. — Art. 108634. — DOI 10.1016/j.ecolecon.2025.108634.

10. *Advokatova, A.* Russian Experience in Applying Environmental Payments in the Context of Fiscal Regulation of Business Involvement in ESG Processes / A. Advokatova, L. Goncharenko, A. Zavorikin // Taxes and Taxation. — 2024. — № 4. — P. 30–49. — DOI 10.7256/2454-065X.2024.4.70205.

11. *Slatin, R.* The Concept of Environmental («Green») Payments / *R. Slatin* // Actual Problems of Russian Law. — 2025. — № 20 (2). — P. 11–19. — DOI 10.17803/1994-1471.2025.171.2.011-019.

12. On Environmental Protection : Federal Law № 7-FZ from 10.01.2002. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

13. On Production and Consumption Waste : Federal Law № 89-FZ from 24.06.1998. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

14. Tax Code of the Russian Federation. Part Two : Federal Law № 117-FZ from 05.08.2000. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

15. On Approval of the Lists of Goods and Packaging, Waste from the Use of Which Is Subject to Recycling, and the Recycling Standards for Waste from Used Goods and Packaging : Resolution of the Government of the Russian Federation № 2414 from 29.12.2023. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312310011 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

16. On the Values of Basic Rates of the Environmental Fee and the Coefficient Accounting for the Difficulty of Recovering Waste from Used Goods for Subsequent Recycling, the Technological Feasibility of Recycling Such Waste, Changes in the Physical, Chemical and Mechanical Properties of Materials During Repeated Use (Including Possible Recycling Cycles), and Demand for Secondary Raw Materials Obtained from Such Waste for Use in the Production of Goods for 2024 : Resolution of the Government of the Russian Federation № 2406 from 29.12.2023. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312300058 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

17. On Establishing Environmental Fee Rates for Each Group of Goods and Each Group of Goods Packaging Whose Waste Is

Subject to Recycling, Payable by Manufacturers and Importers of Goods Who Do Not Ensure Independent Recycling of Waste from Used Goods : Resolution of the Government of the Russian Federation № 284 from 09.04.2016 (repealed). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604140022 (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

18. Reports on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and Budgets of State Extra-Budgetary Funds for 2020–2024 / Federal Treasury of Russia. — URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet-rf-i-byudzhetov-gosudarstvennyh-vnebyudzhetnyh-fondov (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

19. Report on the Execution of the Federal Budget and Budgets of the Budgetary System of the Russian Federation for 2024 / Ministry of Finance of the Russian Federation. — URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/08/main/Ispolnenie_2024.pdf (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

20. Reports on the Execution of the Federal Budget for 2020–2024 / Federal Treasury of Russia. — URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet (date of access: 18.08.2026). — Text : electronic.

Об авторах

Андреева Ольга Валентиновна, *доктор экономических наук, доцент, декан Учетно-экономического факультета, руководитель Центра стратегических исследований социально-экономического развития Юга России, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, olvandr@yandex.ru.*

Чернобай Оксана Сергеевна, *кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры финансов, младший научный сотрудник Центра стратегических исследований социально-экономического развития Юга России, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, oksana.chernobay1982@yandex.ru.*

Конфликт интересов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации; авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 27.07.2026; принята к публикации 20.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)
© 2026 Андреева О. В., Чернобай О. С.

About the Authors

Olga Andreeva, *Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Dean of the Faculty of Accounting and Economics, Head of the Center for Strategic Research on the Socioeconomic Development of the South of Russia, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, olvandr@yandex.ru.*

Oksana Chernobay, *Cand. Sci (Econ.), Senior Lecturer at the Department of Finance, Junior Researcher at the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, oksana.chernobay1982@yandex.ru.*

Conflict of Interest: The authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication; the authors declare no conflict of interest.

The article was submitted on 19.03.2026; approved after reviewing on 27.07.2026; accepted for publication on 20.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)
© 2026 O. Andreeva, O. Chernobay